

Миловидов Б.П.

История орловских легионов из военнопленных. 1812-1814 гг.

Опубликовано: История орловских легионов из военнопленных. 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. VI. / Труды Государственного исторического музея. Вып. 166. М., 2007. С. 186–199

[186] В ходе войны 1812 г. российские власти предприняли несколько попыток создания воинских частей из военнопленных и дезертиров Великой армии. Расчет делался не только, а может быть и не столько на то, чтобы использовать бывших солдат и офицеров армии Наполеона в вооруженной борьбе против французского императора, но в первую очередь на политический резонанс. Сам факт существования, а уж тем более участия в боевых действиях таких формирований, должен был продемонстрировать наличие антинаполеоновских настроений в многонациональной Великой армии и внушить оптимизм антибонапартистским силам в Европе. Ставка делалась в первую очередь на наименее верных союзников Наполеона – выходцев из различных немецких государств, недаром наиболее крупным воинским формированием из пленных дезертиров и эмигрантов был Российско-германский легион. В основном из немцев состоял и отряд подполковника В.И. Дибича. Однако к исходу кампании 1812 г., когда поражение Наполеона было предопределено, в России была предпринята попытка создать в Орле воинские части также из французов, итальянцев и голландцев.

Если история немецких частей, в первую очередь Российско-германского легиона, нашла свое отражение в литературе, то орловским легионам в историографии не повезло. В 1813 г. В.Р. Апухтин опубликовал ряд важных документов, посвященных истории формирования легионов, сопроводив их небольшой вступительной статьей.¹ В 2004 г. в энциклопедии «Отечественная война 1812 г.» вышла краткая, но содержательная статья В.А. Бессонова, доводящая историю легионов до осени 1813 г.² Однако многие нюансы истории легиона и особенно последний этап его существования остаются непроясненными.

История орловских легионов начинается 8 ноября 1812 г. В этот день император Александр подписал в Санкт-Петербурге указ, адресованный М.И. Кутузову. В нем

говорилось, что поскольку многие из пленных желают вступить в русскую службу, то «составление [187] из самих французов, итальянцев и голландцев особого войска имело бы при нынешних обстоятельствах свою пользу». В связи с этим, император предписал пленным указанных национальностей, желающих вступить в русскую службу, отправлять в одно депо, а именно в город Орел. О том, когда в Орле соберется «значительное число» таких пленных и можно будет приступить к формированию батальонов, следовало донести, приложив списки штаб- и обер-офицеров. «Для ближайшего за сими людьми надзора и чтобы они не терпели ни в чем нужды, император предписывал главнокомандующему отправить по собственному усмотрению в Орел чиновника, которому поручалось заботиться о продовольствии и одежде пленным. При этом обмундировывать их полагалось одеждой из рекрутского сукна, но с цветными (желтыми, голубыми или красными) воротниками³. В.Р. Апухтин справедливо пишет, что Орел, расположенный в центральной России, был избран местом формирования легионов потому, что в него могли быстрее собраться пленные из внутренних губерний, а кроме того он находился в отдалении от театра военных действий и «потому при известной свободе, которая должна была быть допущена в легионах, не представлялось опасности, что эти военнопленные могут бежать в отечество».⁴

Однако реальные меры по организации легионов были предприняты только в декабре. Дежурный генерал П.П. Коновницын 5 декабря 1812 г. в отношениях к гражданским губернаторам, изложил распоряжение Кутузова относительно организации легионов из военнопленных французов, итальянцев и голландцев в Орле. Поскольку большая часть пленным уже была отправлена в губернии, гражданским губернаторам предписывалось спросить всех прибывших в губернии французов, итальянцев и голландцев, не желают ли они вступить в российскую службу. Тех из них, кто изъявит согласие, необходимо было снабдить одеждой, провиантом и деньгами в соответствии с положением 26 августа 1812 г. и отправить в Орел под надзором особого чиновника. Чтобы избежать лишних передвижений пленным, губернаторам предписывалось опрос пленным на предмет желания вступить в легионы проводить при вступлении в границы губернии, для чего и откомандировать особого чиновника, который должен был также заниматься организацией отправки желающих в Орел. О препровождаемых в Орел губернаторы должны были немедленно извещать Коновницына, присылая также именные списки.⁵ В тот же день отправлять пленным, желающих вступить в легионы в Орел, было предписано [188] А.П. Тормасову и П.В. Чичагову.⁶ Через день 7

декабря из канцелярии Кутузова было отправлено предписание орловскому губернатору, согласно которому до назначения начальства над легионами он должен был принимать направляемых в них пленных в свое ведение и, «составив из них особую команду, распределить по числу их офицеров, поручив всех их в особый надзор одного из благонадежнейших чиновников», за выбор которого несет ответственность. Орловскому гражданскому губернатору вместе с тем предписывалось обеспечивать продовольствие легионеров, а также в случае отсутствия одежды, снабжать их одеждой из рекрутского сукна с желтыми, голубыми или красными воротниками. О принятых мерах и числе прибывших в Орел пленников следовало доносить.⁷ 8 декабря, донося императору о предпринятых мерах по отправке в Орел желающих вступить в легионы пленных, Кутузов сообщал, что «судя по теперешнему числу объявивших желание вступить в русскую службу, число их должно быть весьма значительно, ибо из находившихся в Вильне вступает в нашу службу 3000 чел.». Все эти люди по снабжении обувью и одеждой (частично отбитой у неприятеля), а также кормовыми деньгами (по 5 коп. в сутки не считая провианта) согласно рапорту Кутузову были уже отправлены в Орел.⁸

Тем временем губернские власти уже начали исполнять предписания, изложенные в отношении Коновницына от 5 декабря. Так 16 декабря смоленский гражданский губернатор К.И. Аш доносил из Вязьмы, что поскольку препровождаемые из армии пленные отправляются в места назначения из Смоленска, то он предписал смоленскому уездному предводителю дворянства строго исполнять полученное предписание.⁹

19 декабря 1812 г. из канцелярии Кутузова была препровождена к Аракчееву записка, утвержденная императором, о назначении генерал-майоров графа К.К. Сиверса, Г.Г. Энгельгардта и Е.Е. Удома начальниками легионов в Орле. В ней сообщалось о просьбе Кутузова доставить ему постановление, «которым обыкновенно руководствовались прежде формировавшиеся легионы», которое будет препровождено для исполнения вновь назначенным начальникам легионов.¹⁰ А 20 декабря Кутузов подписал приказ по армиям, в котором объявлялось об этих назначениях и предписывалось шефам Новороссийского драгунского полка [189] генерал-майору графу Сиверсу, Староингерманландского пехотного полка генерал-майору Энгельгардту и 30-го егерского полка генерал-майору Удому сдать свои полки старшим по себе офицерам и прибыть в главную квартиру для получения соответствующих инструкций, а затем отправиться в Орел.¹¹ Стоит отметить, что до Сиверса,

находившегося в Кенигсберге, приказ дошел, судя по всему только 7 января, когда он сообщил об этом П.Х. Витгенштейну, прося найти замену на свою прежнюю должность.¹²

24 декабря, находящийся в Вильно А.А. Аракчеев направил Кутузову рапорт, в котором сообщал очередное высочайшее повеление. Согласно ему легионы в Орле должны были составляться по штатам российской армии, то есть «в ротном, батальонном и полковом виде», численность их должна соответствовать численности российских пехотных полков. Всем чинам, служащим в легионах, следовало производить жалование по мушкетерскому окладу, а сверх жалования и провианта назначить каждому «некоторую денежную сумму в месяц на мясную и винную порцию, выдавая оную еженедельно».¹³

По всей видимости Кутузов предполагал, что в легионы будут вступать в основном нижние чины. Во всяком случае специально вопрос о статусе офицеров в легионах не рассматривался. Однако вскоре в Вильне появились и офицеры, желающие вступить в легионы, что оказалось неожиданностью для российских военных властей. Это могло быть связано как с изменениями в настроениях бывших воинов наполеоновской армии, так и с желанием облегчить свое тяжелое положение, в котором пленники оказались в Вильне.

26 декабря 1812 г. Кутузов разъяснял А.М. Римскому-Корсакову, что по поводу таких офицеров он обращался к императору и получил указание – отправлять их за казенный счет в Орел, «производя им приличное содержание», а для снабжения их одеждой создать особый комитет, обращая при этом внимание на то, чтобы она соответствовала времени года, но с другой стороны «не превосходила ни обыкновенного своего количества, ни обыкновенной ее доброты».¹⁴ В тот же день из канцелярии Кутузова было препровождено к Римскому-Корсакову высочайшее повеление о том, как принимать и отправлять в Орел желающих вступить в легионы.¹⁵ Текст документа, направленного Римскому-Корсакову обнаружить не удалось, но можно предположить, что в нем излагалось содержание указа от 8 ноября и повеления от 24 декабря.

[190] 31 декабря 1812 г. Кутузов сообщал министру финансов Д.А. Гурьеву, что император повелел нижним чинам формируемых в Орле легионов производить жалование по мушкетерскому окладу, и сверх того, назначить денежную сумму на мясную и винную порцию, выдавая ее еженедельно. На покупку сей порции было определено каждому нижнему чину по 1 руб. асс. в месяц. Эти деньги, а также жалование легионерам следовало

требовать из орловской казенной палаты, о чем Кутузов просил дать палате соответствующее предписание.¹⁶

Решение о руководстве легионами к этому времени было уже пересмотрено. Еще 30 декабря канцелярия Кутузова сообщала орловскому губернатору о том, что формирование легионов в Орле поручается генерал-майору К.М. Герцдорфу, которому после его прибытия и следует сдать все дела, касающиеся этого вопроса.¹⁷ На следующий день о назначении было сообщено и самому Герцдорфу, которому из канцелярии Кутузова были также препровождены копии высочайших повелений по этому вопросу. На покупку винной и мясной порции для нижних чинов определялось по 1 руб. асс. в месяц на человека. Деньги эти Герцдорф должен был требовать из орловской казенной палаты, а затем выдавать месячное содержание на руки «не заботясь вовсе о том, каковым бы образом они деньги сии не употребляли, ибо оные составляют их собственность и не подлежат никакому частному отчету». Герцдорфу предписывалось также выплачивать легионерам в установленное время жалование.¹⁸

Наконец 3 января 1813 г. последовал именной указ управляющему Военным министерством А.И. Горчакову по поводу орловских легионов, в котором суммированы все предшествующие распоряжения. Из указа следует, что получив от Кутузова сведения об увеличении числа желающих вступить в орловские легионы, император повелел формировать легионы по штатам российских пехотных полков, провиант и жалование производить по мушкетерскому штату, и сверх того назначить нижним чинам по 1 руб. в месяц на мясную и винную порцию, производя эти выплаты еженедельно. Как мы видели, в прежних высочайших повелениях сумма дополнительных выплат не названа. Она фигурирует в предписаниях самого Кутузова и скорее всего определена именно им, но в указе 3 января, она де-факто утверждена императором. В указе также говорилось, что формирование легионов предоставлено Герцдорфу, а генерал-майоры Сиверс, Энгельгардт и Удом назначены [191] ему в помощь. Император приказывал Горчакову принять формируемые легионы в ведение Военного министерства, снабжать их деньгами, провиантом и обмундировать нижних чинов из рекрутского сукна с цветными воротниками. Обоз и оружие для легионов временно не назначались.¹⁹ Этот указ в копии был уже 4 января направлен Аракчеевым Кутузову.²⁰

Тем временем 18 января 1813 г. Герздорф прибыл в Орел, откуда 28 января направил Кутузову рапорт с изложением хода дел. По сведениям, полученным Герздорфом 21 января от орловского гражданского губернатора, в городе находились трое офицеров и 13 рядовых, желающих служить в легионе. Согласно приложенной ведомости один из офицеров по болезни остался в Вильне, а кроме 13 состоящих на лицо рядовых, четверо из записавшихся умерло и еще четверо отправлены в госпиталь. Кроме этого, 8 человек рядовых были присланы из Черниговской губернии. Впрочем, по имеющимся в Орле сведениям, комендант главной квартиры С.Х. Ставраков еще 5 декабря отправил в Орел 2000 человек, а 7 декабря еще 1000 человек. Но эти партии ни в Орел, ни в Брянск, куда была отправлена из Орла одежда для них, так и не прибыли. В связи с этим Герздорф обратился к губернаторам, тех губерний, через которые должны были следовать потенциальные легионеры, с просьбой об оказании им в пути помощи. Завершая свой рапорт Герздорф испрашивал у Кутузова дальнейших указаний.²¹

К началу 1813 г. относится и присоединение к орловским легионам отряда подполковника В.И. Дибича, набранного им из дезертиров, пленных немцев, а также включавшего незначительное количество российских войск. Дибич, находившийся со своим отрядом в Витебске, испытывал серьезные финансовые затруднения, о чем и писал императору. Реакция Александра отразилась в записке Аракчеева, отправленной А.И. Горчакову 20 января 1813 г. В ней излагалось решение императора о причислении этого отряда к прочим легионам из пленных, состоящим в Орле. Герздорфу в свою очередь предписывалось, не переводя отряд Дибича в Орел, отправить в Витебск штаб-офицера «для исполнения правил, преподанных на легионы, в Орле формируемые».²² Во исполнение высочайшей воли 6 февраля Горчаков сделал распоряжение о довольствии и обмундировании отряда Дибича на том же основании, какое назначено для легионов в Орле по высочайшему [192] указу от 3 января 1813 г.²³ А 14 февраля 1813 г. инспекторский департамент Военного министерства направил Герздорфу повеление о причислении отряда Дибича к орловским легионам.²⁴ Впрочем, это причисление осталось, как показали дальнейшие события, лишь формальностью.

А тем временем из внутренних губерний во исполнение предписания изложенного в отношении Коновницына к губернаторам от 5 декабря продолжали отправляться пленные,

пожелавшие вступить в орловские легионы. Так из Нижегородской губернии при отношении от 26 февраля 1813 г. были отправлены в Орел 10 нижних чинов.²⁵

В марте 1813 г. неожиданно возникли проблемы со снабжением орловских легионов деньгами. На требования Герздорфа орловская казенная палата ответила 11 марта, что ей получено предписание министра финансов, запрещающее выдавать деньги воинским чиновникам на срочные надобности без прямого предписания самого министра или экспедиции государственных доходов. Хотя суммы на порционные деньги легионерам из провиантского ведомства были доставлены вовремя, отказ казенной палаты поставил Герздорфа в затруднительное положение, и ему пришлось покрывать указанные издержки из комиссариатских сумм.²⁶

31 марта 1813 г. Горчаков сообщил Герздорфу высочайшее повеление, согласно которому офицерам орловских легионов предписывалось носить синий мундир обыкновенного покроя с воротниками и обшлагами такого цвета, какой назначен для нижних чинов соответствующего легиона.²⁷

14 апреля 1813 г. Герздорф доносил Горчакову, что в связи с наступлением весны планировалось начать строевую подготовку нижних чинов. Однако вскоре выяснилось, что офицеры, не знающие русского языка, не могут обучать солдат (видимо, предполагалось, что обучение будет проводиться в соответствии с российскими уставами). В связи с этим Герздорфу пришлось употребить для обучения легионеров находящихся на излечении в орловском военно-временном госпитале российских офицеров.²⁸

Горчаков, получив сведения от Герздорфа, о том, что Дибич не желает формировать свой отряд в соответствии со штатами российского пехотного полка, 14 мая 1813 г. приказал Герздорфу отправиться лично в Витебск и произвести инспекцию. На это время формируемые в Орле легионы следовало поручить ведению [193] старшего из генералов, откомандированных ему в помощь.²⁹ Однако до Витебска Герздорф так и не добрался, поскольку заболел. В июле Дибич получил от Герздорфа высочайшее повеление объявленное генерал-адъютантом Волконским, согласно которому со всем своим отрядом должен был сам отправиться в Орел.³⁰ Но выполнять этот приказ Дибич отказался.³¹

К 1 июля 1813 г. в Орле было сформировано уже три роты легионеров.³²

Некоторое представление о составе «легионов» дает список офицеров, направленный из Инспекторского департамента в Общую канцелярию Военного министерства,

датированный 2 сентября 1813 г. Помимо фамилий, имен и званий офицеров, в списке указывалось их происхождение, а также время вступления в легион. Последней датой вступления, указанной в списке является май 1813 г., так что по-видимому список отражает состав офицерского корпуса легиона именно на этот момент. Интересен и национальный состав легиона. Из 7 капитанов – четверо немцы, в том числе и состоящий «за батальонного командира» капитан Траутман; из 14 поручиков – трое немцы, в том числе легионный адъютант Фроман (в другом написании Форман); а из 8 подпоручиков немец всего один.³³ При взгляде на эти цифры, прежде всего бросается в глаза наличие немцев среди офицерского состава, причем в более высоких чинах их процент выше. Это объясняется тем, что немцы были наименее стойкими союзниками Наполеона и демонстрировали большую приверженность к России. Офицеры же французского, голландского и итальянского происхождения, особенно в более или менее высоких чинах, как наиболее «сознательные» и верные присяги вступали на путь сотрудничества с противником неохотно (среди капитанов, означенных в списке, «природных французов» нет). Само же появление немцев в легионах, которые по первоначальному замыслу должны были состоять из французов, голландцев и итальянцев, может объясняться как тем, что они служили во французских частях, так и недостатком кадров.

Наконец в сентябре 1813 г. орловским легионам и (равно как и присоединенному к ним отряду Дибича, находившемуся в Витебске) было предписано передислоцироваться на ближе к границам и присоединиться к Резервной армии под командованием кн. Д.И. Лобанова-Ростовского. Об этом мы узнаем из ведомости о местонахождении частей российской армии, составленной в Военном министерстве [194] 21 сентября.³⁴ Однако точной даты издания соответствующего приказа нам установить не удалось.

Исполнялось предписание о передислокации крайне медленно. Лобанов-Ростовский рапортом от 29 сентября 1813 г. доносил императору из Варшавы, что ни орловский, ни витебский легионы в его распоряжение пока не прибыли и достаточной информации о них не имеется.³⁵ Об орловском легионе Лобанов-Ростовский «слышал» только, что его солдаты и офицеры нуждаются в одежде и обуви и «дальнего послушания не оказывают». Поэтому главнокомандующий приказал подчинить оба отряда одному начальнику – генерал-майору Отто, предписал ему отправиться в Минск навстречу к легионерам, выяснить и взять под контроль ситуацию, а затем двигаться в Белосток. Впрочем, как упоминает Лобанов-

Ростовский, выбор нового единого командира для легионов был сделан на основании высочайшего повеления.³⁶

3 октября Лобанов-Ростовский направил Александру рапорт, где сообщил сведения полученные от капитана Орловского внутреннего гарнизонного батальона О니кова, который во главе 1-го батальона орловских легионов вышел из Орла и двигался к западной границе. Оников доносил «о самовольной отлучке и беспорядках, состоящего за адъютанта при этом батальоне поручика Формана, который к тому же отзывается, что российской службы продолжать не желает». Лобанов-Ростовский считал, что его и ему подобных следует обращать вновь в число военнопленных, и испрашивал на это соответствующего повеления. Александр одобрил это предложение, подтвердив, что по предмету беглых и прочих «ослушников» следует руководствоваться общим военным законодательством.³⁷ В том же рапорте Лобанов спрашивает, может ли он принимать в легионы пленных офицеров, особенно голландцев, от которых к нему поступают прошения. Александр оставил решение этих вопросов на усмотрение самого Лобанова.³⁸

Согласно данным Оникова, приведенным в рапорте Лобанова от 3 октября 1813 г. в 1-м батальоне состояло по списку 33 обер-офицера, 39 унтер-офицеров, 10 музыкантов, 320 рядовых и 4 нестроевых. Из них в госпиталях 2 обер-офицера, 2 унтер-офицера 9 рядовых. Остальные находились на марше, в том числе 13 человек, арестованных за побеги и 7 чел. за непослушание, 1 рядовой бежал. К батальону были прикомандированы [195] для их обучения 2 обер-офицера и 5 унтеров. Конвойная команда состояла из 1 унтер-офицера и 60 рядовых.³⁹

В рапорте 29 октября 1813 г. Лобанов-Ростовский сообщил новые сведения, полученные от Оникова. Оказывается 9 октября капитан 1-й гренадерской роты этого батальона Траутман донес, что несколько офицеров легиона сообщили ему, будто Фроман готовит заговор и склоняет нижних чинов к бунту с целью освободиться от русской службы «с покушением на жизнь, если б кто тому воспрепятствовал». «Что сие было в намерении при самом еще выступлении в поход, подтверждается как неоднократно от Фромана порицанием российской службы, выхваляя с тем вместе французскую, так сделанною им дерзостью в местечке Глуске, где он на улице кричал публично “Виват Наполеон!”». В результате Оников арестовал Фромана и отдал под стражу. Лобанов-Ростовский предписал генерал-майору Отто, командованию которого были поручены орловский и витебский

легионы, строжайше расследовать этот инцидент и, если обвинения подтвердятся, предать Фромана военно-уголовному суду. «Послабление в подобных случаях не находит места, тем более что корень неповиновения давно уже обнаруживается и, по невниманию к нему с самого начала, усиливается», - писал Лобанов и в подтверждение своих слов приводил случай неповиновения в отряде Дибича. «Я полагаю, - делал он вывод, - что отряды тех волонтеров, которые не прибыли и поныне, если существовать им, то предпочтительнейше оставить в Белостокской и Гродненской губерниях, пока должный порядок и повиновение в них не поселится, а в теперешнем виде ввести их в безрассудную Польшу, где ни правления настоящего, ни земской полиции не существует, почитаю вредным».⁴⁰ Таким образом, сделав вывод о бесполезности легионов в отношении военном и о вреде, который они могут нанести в отношении политическом, Лобанов-Ростовский, видимо зная, что император был сторонником привлечения пленных на российскую военную службу, и поэтому не решаясь настаивать, недвусмысленно подводил императора к мысли о ликвидации легионов в принципе.

Вероятно, этот рапорт, а возможно, и какие-то дополнительные сведения и соображения подтолкнули Александра к решению. 14 декабря 1813 г. Аракчеев объявил Лобанову-Ростовскому [196] высочайшую волю: «исключая из легионов всех германцев, владельцы коих соделались союзниками нашими, и дав им пашпорты, отпустить каждого в свое отечество, а остальных обратить в Россию на общем праве военнопленных».⁴¹

Получив это повеление, Лобанов-Ростовский я явным удовлетворением писал 26 декабря: «Не могу скрыть от вашего императорского величества, что легионы те [не] только бесполезны и тяжелы, но даже вредны впоследствии быть могут для нашей армии, и для того лучше ничто быть не может как привести в исполнение вышеизложенное вашего императорского величества предположение». По словам Лобанова, единственное, что его удерживало от того, чтобы «прекратить существо хуже, нежели бесполезного легиона», был «долг службы и порядок оной». Однако распоряжение императора вызвало у Лобанова и недоумение. Он осторожно задавал императору вопрос: как быть с теми легионерами, прежде всего офицерами, чьи государи продолжают поддерживать Наполеона? Согласно букве повеления они должны снова превратиться в пленных. Однако они «вызваны на службу» именем русского царя и «беспорочно продолжают оную». Своим вопросом Лобанов как бы указывал императору на некорректность обращения в пленных людей, поверивших ему и

вставших на сторону России. Ожидая разъяснений со стороны императора, главнокомандующий приказал обратить в число пленных лишь не желающих служить поляков, поскольку «амнистия», дарованная замостскому и модлинскому гарнизонам, на них не распространялась.⁴² Реакция императора, к сожалению нам не известна.

13 марта 1814 г. Комитет министров рассмотрел и принял к сведению записку управляющего Военным министерством генерала А.И. Горчакова о легионе из пленных. Как следует из этой записки, Главнокомандующий Резервной армии кн. Лобанов-Ростовский сообщил Горчакову о высочайшей воле, выраженной в упоминавшемся письме Аракчеева от 14 декабря, относительно упразднения легиона, а также об отданных им в связи с этим приказаниях генерал-майору Отто. Командующий легионами должен был в частности отправить саксонцев в Белосток для препровождения их далее в Дрезден, а баварцев передать особому чиновнику, присланному от баварского комиссара полковника Кумпенберга. Кроме того в записке говорилось, что генерал-майором Отто «обращено» [197] в состоянии военнопленных 11 унтер-офицеров и 146 рядовых поляков, не пожелавших остаться в российской службе, а остальным пленным будет произведен «надлежащий разбор».⁴³

В уже цитированном рапорте Лобанова-Ростовского императору от 26 декабря 1813 г. говорится о состоянии легиона накануне получения повеления о его роспуске. Согласно донесениям генерал-майора Отто, оба отряда (орловский и витебский) прибыли к Белостоку и были расположены в Модельске и Инбурге. Большая часть отряда Дибича была без одежды и обмундировывалась высланными от витебской комиссариатской комиссии вещами. Отряд, прибывший из Орла, был одет в соответствии с положением об орловских легионах. Однако амуниции у обоих отрядов не было вовсе. Субординация и дисциплина «не только в большом упущении, но и вовсе не существуют и видно даже, что в тех иностранцев не внушено и малейшего порядка российской службы». Причину Отто видел в отсутствии хороших офицеров и упущениях со стороны покойного на тот момент генерала Герздорфа и подполковника Дибича.⁴⁴ «От беспорядка того, - говорит Лобанов-Ростовский, - и ныне 247 человек из орловского отряда объявили, что они насильно взяты генерал-майором Герздорфом и присягать совсем не хотят», а остальные нижние чины, хотя и приняли присягу, но объявили, что они «принужденно оную приняли». Выяснилось, что книги, данные Герздорфу для записи расходов, оказались незаполненными.⁴⁵ Данные о численности прибывшего из Орла отряда содержатся в том же рапорте Лобанова от 26 декабря 1813 г. Из

Орла выступили 19 обер-офицеров, 39 унтер-офицеров, 10 музыкантов, 316 рядовых, 4 нестроевых. В пути бежали 5 нижних чинов, остались в госпиталях 2 обер-офицера и 55 нижних чинов, в лазарете при легионе находились 3 нижних чинов, 21 нижний чин числились арестантами. В итоге по прибытии налицо состояло 14 обер-офицеров, 31 унтер-офицер, 9 музыкантов, 244 рядовых и 3 нестроевых⁴⁶. Как видим, радикального изменения численности по сравнению с октябрём не произошло.

Проект создания легионов из военнопленных французов, итальянцев и голландцев потерпел неудачу. Вместо предполагаемых «легионов» из пленных удалось сформировать лишь небольшой отряд. Среди французов, итальянцев и голландцев нашлось не много убежденных противников Наполеона, готовых выступить против него с оружием в руках. Как видно из данных по офицерскому [198] корпусу, некоторую часть легионеров составляли немцы – наименее лояльные союзники французского императора (именно на них делалась ставка при формировании Российско-германского легиона и отряда Дибича). Среди рядовых оказалось множество поляков. Так называемые «легионы» в Орле стали прибежищем для тех, кто, не желая воевать, хотел лишь облегчить условия своего существования в плену. Тысячи пленных, якобы согласившихся сражаться в легионах и отправленных из Главной квартиры, до Орла так и не дошли, растворившись на просторах России. Часть из них, безусловно, погибла в пути, часть, вероятно, была остановлена в соответствии с предписанием о прекращении транспортировки пленных в декабре 1812 г. и впоследствии, улучшив свое положение, изменила первоначальное решение. Особо следует отметить свидетельства части пленных о том, что их заставляли принимать присягу насильно. А многие из тех, кто добрался до Орла и принял присягу, впоследствии отказывались от нее. По своему поведению и настроениям легионеры более напоминали банду наемников, нежели дисциплинированную воинскую часть. Наличие конвойной команды при движении легионеров из Орла на запад наиболее ярко свидетельствует как о характере этих войск, так и об отношении к ним военных властей: легион явно не воспринимался как регулярная воинская часть. Впрочем, причина этого виделась военным властям не только в маргинальном составе легионов, но и в плохом руководстве ими. «Легионы» если и имели какое-либо значение, то только политико-пропагандистское. Но за границу «легионы» в том виде, в котором они реально существовали, нельзя было выпускать именно по политическим

мотивам, чтобы не нанести удара по репутации русской армии. Именно поэтому и было принято решение об их уничтожении.

¹ Апухтин В.Р. Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в Орле в 1812-1813 гг. М., 1913.

² Бессонов В.А. Легион из французских, итальянских и голландских военнопленных // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 406.

³ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 11.

⁴ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 7.

⁵ Материалы об Отечественной войне. Подробный журнал исходящих бумаг собственной канцелярии главнокомандующего Соединенными армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 г. М., 1912. С. 214-215.

⁶ Материалы об Отечественной войне... С. 220.

⁷ Материалы об Отечественной войне... С. 218-219. [199]

⁸ Материалы об Отечественной войне... С. 231-232.

⁹ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 13.

¹⁰ Материалы об Отечественной войне... С. 269.

¹¹ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 13

¹² Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 13.

¹³ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 11.

¹⁴ Материалы об Отечественной войне... С. 292.

¹⁵ Материалы об Отечественной войне... С. 294.

¹⁶ Материалы об Отечественной войне... С. 304.

¹⁷ Материалы об Отечественной войне... С. 302.

¹⁸ Материалы об Отечественной войне... С. 303.

¹⁹ ПСЗ-1 № 25310; Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 12.

²⁰ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 11.

²¹ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 13-15.

²² Сборник материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 3 СПб., 1890 С. 175-176; РГИА Ф. 1263 Оп. 1. Д. 420 а. Л. 545 об.

²³ РГИА Ф. 1263 Оп. 1. Д. 420 а. Л. 546.

²⁴ РГИА Ф. 1409 Оп. 1 Д. 656 Ч. 2. Л. 155, 157 б.

²⁵ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 15.

²⁶ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 15-16.

²⁷ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 16.

²⁸ РГВИА Ф. 1 Оп. 1. Д. 2600 Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 73.

³⁰ Там же. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 1, 81.

³² Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 19.

³³ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 17-19.

³⁴ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 19.

³⁵ РГИА Ф. 1409 Оп. 1 Д. 776 Ч. 4. Л. 37.

³⁶ Там же. Л. 37.

³⁷ Там же. Л. 43.

³⁸ Там же. Л. 43.

³⁹ Там же. Л. 44-45.

⁴⁰ Там же. Л. 146-147.

⁴¹ Там же. Л. 39.

⁴² Там же.

⁴³ РГИА Ф. 1263 Оп. 1 Д. 58 Л. 298.

⁴⁴ РГИА Ф. 1409 Оп. 1 Д. 776 Ч. 4. Л. 38.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 40-41.